

Д.В. ТРУБИЦЫН

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ – ЕЩЕ ОДНА ПРИЧИНА НИЧЕГО НЕ МЕНЯТЬ?

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Полемизируя с точкой зрения Р.Х. Симоняна, автор критикует проект развития России за счет реализации ее географического положения между двумя быстро развивающимися экономиками – Европейского союза и стран Восточной Азии. Обнаруживая в нем ряд недостатков, автор полагает, что упор на такие проекты и не прекращающийся поиск «новых возможностей» развития свидетельствуют об отсутствии этого развития как объективного процесса и очередном провале модернизации. Подобные проекты отражают стремление ничего не менять в базовых структурах общества, ценностях, паттернах поведения акторов, картине мира, что в условиях стремительно развивающегося мира губительно для страны. Разработка проектов социально-экономического развития требует соблюдения ряда условий: понимания этого феномена не как поверхностных изменений и технических инноваций, а как глубокой качественной трансформации; необходимости исходить из реального состояния общества, а значит, базирования на качественных социологических исследованиях; поскольку за результат отвечает в конечном счете не пространство, а деятельность людей, то география должна теоретически соединяться с социологией. Всего этого в критикуемом проекте пока нет. Даже если реальное состояние российского общества позволит ему осуществить данный проект, это не приведет к развитию как качественной трансформации общества в современный тип.

Ключевые слова: развитие общества • модернизация • географическое положение • социальные структуры

DOI: 10.31857/S013216250021394-6

Статья Р.Х. Симоняна [2022¹] представляет собой научное обоснование очередной попытки найти место России в мировой экономике, на этот раз – в роли «транзитного государства», оказывающего транспортные услуги соседним странам. Возможности автор видит в двух обстоятельствах: 1) уникальное географическое положение – огромная территория между Европой и Китаем, двумя центрами мирового производства, исторически обреченными на экономическую интеграцию, и 2) уникальный же опыт многовекового сосуществования в России различных цивилизаций и культур. По его мнению, превращение страны в транспортный коридор между Западом и Восточной Азией создаст возможность перехода от продажи природных ресурсов к осуществлению новой индустриализации (с. 92).

Хотя подобные идеи неоднократно высказывались в рамках других наук, для социологии такой подход – не частое явление, и здесь есть о чем говорить.

Перед нами – далеко не первая за последние 20 лет попытка найти преимущество, дающее России надежду на «выживание» в современном мире. Но не удалось России стать «инновационной экономикой», не реализованным оказался лозунг «великой энергетической державы», и даже усилия по созданию развитого туризма пока не увенчались успехом. Все это отражает «трудности» российской модернизации как системную проблему. Что здесь должно в первую очередь интересовать ученого, так это объективные причины – социальные механизмы, блокирующие развитие страны по пути современного общества, какой бы аспект этого развития мы не взяли (экономический, технологический, политический или культурный). Ведь если не созданы ни эффективная

¹ Далее по тексту ссылки на обсуждаемую статью даны в круглых скобках.

производящая экономика, ни хотя бы привлекательная для современного туризма инфраструктура и сервис, то откуда возьмутся эффективные и надежные, способные выдержать конкуренцию, транспортные коммуникации, да еще колоссального по своим объемам грузопотока? Очевидно, что проблема носит системный характер, и именно социология (прежде всего макросоциология) исследует эти системные взаимозависимости. Но в отсутствии достаточного социологического обоснования и состоит главный недостаток проекта «транзитного государства», причем как на уровне теории, так и на уровне эмпирики и методологии.

Отсутствие теории и рефлексии понятийного аппарата. В статье Р.Х. Симоняна теоретизирование ограничивается скорее обзорным, нежели аналитическим цитированием классиков, а соединение ключевых понятий (*социология пространства, социальное пространство*) с тезисами в области геополитики и геоэкономики носит во многом механический характер. Например, используемое Г. Зиммелем понятие «*между*» отнюдь не служит бесспорным обоснованием мысли, что «*кроме России нет другого государства, которое одновременно граничит с Евросоюзом и КНР, и другого европейского государства, обладающего многовековым опытом тесного взаимодействия с азиатскими народами*» (с. 92). Эти построения метафизичны для социологической теории и во многом противоречат реальным тенденциям российской истории, процессам последних десятилетий, а особенно – текущим событиям. Заявленная «*ценность уникального опыта*», наоборот, уменьшается: Россия все больше изолируется от развитых стран, уходя, уже не в первый раз, с магистрального пути европейской цивилизации. Нет и реального сближения с Китаем, а учитывая разницу в темпах и направленности экономической динамики двух стран, их грядущее взаимодействие (как во многом и настоящее) вряд ли можно назвать равноценным с обеих сторон. Используемые теоретические конструкты для объяснения реальности не работают. Не работают они и для ее прогнозирования. Например, автор уверен в том, что положение России между двумя лидерами дает ей возможность собственного процветания, что неочевидно.

Странно выглядит уверенность автора в том, что «*европейский вектор является основополагающим в стратегии общественно-исторического развития нашей страны*» (с. 90). Но не потому, что это в принципе не верно, а потому что не учитывается обратная динамика. Если западный вектор развития предопределен, то почему Россия движется в противоположную сторону, причем значительную часть своей истории (за прошедшее столетие европейский курс осуществлялся в общей сложности не более 15–20 лет)? Оговорки, что этот вектор исторически неизбежен, «*какие бы идеологические повороты не возникали*», не подойдут, поскольку эти «*повороты*» не случайны, а закономерны и постигаемы социологически. Чтобы проект не выглядел нелепо ввиду происходящего, надо хоть как-то объяснить факт настойчиво проводимой властью и поддерживаемой значительной частью общества антизападнической политики. На его фоне слабо верится в наше с Западом надежное экономическое партнерство. Как в эти планы вписывается почти полное неприятие европейской системы ценностей и настойчивое стремление расшатать мировой порядок? И как при этом страна может стать одним из важнейших его транзитных коридоров?

Сомнительна и практическая актуальность проекта. С учетом происходящего сегодня строить планы пусть только транспортного сотрудничества с Европой на ближайшие годы (а скорее всего десятилетия) бессмысленно. Проект выглядел бы иначе, если бы включал исследование, раскрывающее фундаментальные зависимости между географическим положением, транзитной экономикой и социальными структурами. Но и таковым он не является, поскольку не дает и не пытается дать ответ на вопрос о том, как в действительности взаимодействуют эти три фактора.

Что значит и зачем нужно социологическое обоснование проекта? Смысл социологического исследования в области влияния осваиваемой территории на динамику общества состоит в том, чтобы теоретически соединить характер этой территории (географию) с социальными структурами (социологией), не оставив без внимания важную

внутридисциплинарную связь микро- и макроуровней социальной динамики. Необходимо увидеть и зафиксировать систематические зависимости между паттернами поведения индивидуальных акторов и характером макроструктур – экономической системы, государственной политики, культуры, массовой психологии – в связи с характером территории.

В качестве примера приведем рекомендации Н.С. Розова, которые также предлагали использовать географический потенциал страны, но базировались на понимании реального устройства российского общества. Оценивая сложившуюся в середине 2000-х гг. ситуацию в российско-китайском трансграничье как «повод не для паники, закрытия границ и изоляционизма, но для серьезной тревоги и вдумчивой экспертизы любых решений» [Розов, 2006а: 111], ученый писал о возможности совместного с Западом освоения природных ресурсов и создания коммуникаций, которые соединили бы Европу и Россию в единое целое, составляющее противовес влиянию Китая в АТР. Российско-китайское трансграничье было призвано стать форпостом «великой русской и великой европейской культуры». Плацдармом для осуществления миссии должна была стать российская территория, прежде всего Урал, Сибирь, Дальний Восток, где следовало уплотнить сеть коммуникаций и научно-технологических центров, усилить производственные цепочки, отладить работу рыночных и финансовых институтов [Розов, 2006б: 24].

Проект Н.С. Розова был обоснован исследованиями в области исторической социологии, ставящей целью выявление законов истории. В частности, ученый писал, что для преодоления болезненных российских циклов необходимо модифицировать порождающий их механизм, и «только изменение базовых социальных структур, определяющих место и роль России в геокультуре и геополитике, а также отношения между государством и гражданами, способно существенно изменить установки». Поэтому России нужно найти такую общую с Европой деятельность, которая позволила бы ей реализовать свой потенциал, не поступаясь исконными святынями [Розов, 2006б: 22].

Однако и этот проект не состоялся, что само по себе указывает на изъяны методологии. Среди прочих был тот, что проявился и в проекте Р.Х. Симоняна, – субъективизм. Если у Н.С. Розова он был оформлен в геополитику и геокультуру, то у Р.Х. Симоняна упор сделан на геоэкономику. Но результат тот же: недооценка внутреннего состояния общества по отношению к внешним условиям развития, в первом случае политическим, во втором – экономическим. Эти условия, разумеется, влияют на развитие, но не порождают его, не соотносятся с ним как причина и следствие. Какими бы они ни были, за результат отвечает поведение акторов в структуре общественных отношений. Реализующиеся в творчестве и техническом прогрессе воля и стремление людей, дающие необходимую энергию геополитической и геоэкономической динамике общества, ослабляются или усиливаются не сами по себе, а в тех или иных социальных обстоятельствах. Внутри данной многомерной структуры системообразующей для развития мы считаем сферу *социально-экономических* отношений.

Таким же субъективизмом характеризовались рекомендации за пределами социологии [Позиционирование..., 2012; Приграничные и трансграничные территории..., 2010; Геополитический потенциал..., 2010]. Они констатировали, что приграничные территории азиатской России «как отставали, так и продолжают отставать», фиксировали «резкую асимметрию их развития по сравнению с такими же территориями сопредельных стран» [Приграничные и трансграничные территории..., 2010: 7], однако были далеки от понимания причин происходящего. Субъективизм как теоретическая установка проявлялся в апелляции к программам «устойчивого развития», почти повсеместном перекалывании ответственности на внешний по отношению к исследуемому обществу фактор – правительство (местное и центральное), противоположную сторону в системе трансграничья (КНР) и даже третью силу (Запад). В качестве причин проблем региона (перманентная экономическая депрессия и депопуляция) приводился государственный и/или марксистский штамп. Ни экономическая активность, ни качество труда, ни уровень реальной квалификации и ответственности кадров анализу не подвергались. Почти не уделялось внимания производительности труда и конкурентоспособности, отсутствовало их

сравнение с показателями на сопредельной стороне. Обходилось стороной, как и в предложенном проекте, нравственное состояние субъекта. Большинство авторов исходили из того, что российское население с его мировоззренческими установками и отношением к труду является таким же «игроком» в АТР, как жители Китая, Японии, Южной Кореи. Отношение к экономике было явно потребительским: рекомендации не предполагали фундаментальных изменений в обществе, а призывали лишь удобно устроиться в мировой экономике, используя уникальное географическое положение страны/региона. Так, один из авторов заметил, что пока Россия «неплохо зарабатывает» на росте товарооборота из Китая, но выразил опасение, что инициатива КНР и других стран по строительству «нового шелкового пути» приведет к сокращению грузоперевозок по Транссибу и исключению России из ключевых «транспортных держав» [Геополитический потенциал..., 2010: 10–33]. Эксперты не видели патологии в том, что благополучие страны стало результатом развития других экономик, а их стремление снизить издержки и повысить эффективность перевозок (чего не могла обеспечить российская сторона) расценивали как враждебный шаг.

Это было свойственно и «экспертам геополитики», писавшим о необходимости создания в АТР новой системы международных отношений, «в которой России была бы гарантирована достойная роль, соответствующая ее геостратегическому положению» [Геополитический потенциал..., 2010: 495]. «Достойная роль» не гарантируется уникальностью положения, а обеспечивается темпами экономического развития и качеством труда. Замечать их «системой международных отношений» не представляется возможным.

Субъективизм в объяснении феномена общественного развития направляет познание в сторону абсолютизации внешних причин и не позволяет дать объективную оценку происходящему. Истинная причина – низкая социальная, экономическая и творческая активность населения – остается без внимания. Отсюда упование на «правильную» программу, которая сама по себе изменит ситуацию. Мы не оспариваем возможную полезность «программ развития», но это выражение – диалектическая пара. «Развитие» отражает объективно происходящие процессы, «программа» – стремление субъекта на них повлиять. И второе не может подменить собой первое. Очевидно, что при наличии хоть каких-то успехов завоевания российской промышленностью внешних рынков, а учеными и творческой интеллигенцией – глобального интеллектуального и культурного пространства, подобных проектов становилось бы все меньше. Их непрекращающаяся череда (один другого экзотичнее) свидетельствует об историческом тупике, в котором оказалось российское общество после очередного провала модернизации. Ведь провести ее и означает сформировать такую социальную систему, которая сама по себе станет механизмом развития. И проблема обсуждаемого проекта в том, что он не обнаруживает таких объективных механизмов в теоретической части и не предполагает их формирования в практической.

Ознакомление с ним вызывает вопрос: почему указанный потенциал до сих пор не реализован? У России появилась, наконец, возможность конвертировать свою двухконтинентальность в реальные экономические результаты (с. 84)? Эта возможность была у нее достаточно долго. Китай сделал огромный рывок за последние 40 лет, в то время как Россия, тоже имеющая для этого условия, такой динамики не показывает. Снижается не только ее общая экономическая роль в мире, но и транспортная. В стране налицо деградация авиа- и морских коммуникаций, и даже главная артерия – Транссиб – за прошедшие десятилетия не испытала никакого видимого развития, увязнув в «среднеиндустриальной» технологической стадии.

Не основанный на социологической экспертизе проект может обернуться упрощенной (и даже вульгарной) версией географического детерминизма, непосредственно выводящей динамику общества из характеристики территории. Само по себе положение *zwischen* (нем. – между) не делает общество другим, и на практике для реализации этого потенциала нужен целый ряд условий, появление которых в современной России весьма проблематично.

О социологической эмпирике. Наличие социологических фактов не делает исследование социологическим само по себе. Для этого нужна их формализация, систематизация,

неизбирательный подбор, а главное – метод. Между тем в статье Р.Х. Симоняна разрозненные факты объединены историософским построением, заведомо подтверждающим авторскую мысль. Например, автор пишет об «экономически выгодном» соседстве России с ЕС и КНР и опирается на авторитет П. Кругмана, который подсчитал, что «если бы США и Канада не были соседями, их внешнеторговый оборот был бы в 13 раз меньше» (с. 85). Но обе эти страны – развитые производящие экономики, а не развивающиеся транзитные. Если же говорить о влиянии «соседства» как таковом, то торговый оборот находящихся в соприкосновении России и Китая составлял в разные годы от 1/5 до 1/7 торгового оборота разделенных океаном Китая и США.

Доказывая преимущества России, автор констатирует, что транзитные возможности Индийского океана ограничены пропускной способностью Малаккского пролива и Суэцкого канала, а сухопутные коммуникации более перспективны – сокращают сроки доставки грузов с 35–45 до 4–5 суток. Железнодорожный транзит через Россию имеет преимущество и, «по расчетам экономистов», в течение 7–8 лет может обеспечить окупаемость (с. 88). Ссылок на эти расчеты нет, но даже при их наличии, это – только расчеты потенциально возможного. Реальное же транспортное значение нашей страны показывает тот факт, что российские перевозки по Транссибу и Северному морскому пути вместе составляли до последнего времени лишь 2% от объема грузов, проходивших через Суэцкий канал. А в результате недавнего закрытия европейского неба для российских самолетов авиатрафик Европы снизился только на 0,4% [Иноземцев, 2022].

В 2013 г., пишет автор, ЕС обеспечил России 52% внешнеторгового оборота, 67% иностранных инвестиций и 80% высоких технологий. И сегодня ЕС, несмотря на санкции, – ее незаменимый экономический партнер (с. 90). Однако указанное влияние асимметрично не в пользу России. Автор пишет, что «у Евросоюза точно такие же геополитические интересы к России», но текущие события показали, что, помимо сырьевой (прежде всего, нефтегазовой), других критических зависимостей Европы от России не существует. Настаивая, автор затрагивает демографию: в начале XX в. 25% человечества были европейцами, сегодня – менее 9%, в конце века их станет 4–5% мирового населения. Что же может дать для решения этой проблемы Россия? Оказывается, территории: «без России, занимающей 35% территории Европы и 30% территории Азии, Европа рискует превратиться в маленькую оконечность Евро-Азиатского материка и утратить свою высокую значимость и влияние в мире» (с. 91). Учитывая современную долю населения России в мире – 1,9%, а тем более тенденцию (неуклонное снижение этой доли с 5,2% в 1913 г.), переключение аргументации с демографии на географию выдает нужду за добродетель.

Сказанное касается и исторически отдаленной эмпирии. Проект обосновывается штампами, включая привычный – о мирном характере русской колонизации (с. 90). На нем, собственно, и строится тезис о «многовековом опыте» культурного взаимодействия. Упомянув, что «русским экспедициям и казакам нередко приходилось применять силу», автор все же заключает, что «в целом процесс присоединения к России огромной азиатской территории был относительно мирным». Вместо социологического анализа всех данных по противоречивой истории расширения русского географического ареала приводится лишь то, что подтверждает избранный нарратив. Куда делись Салават Юлаев и Шамиль, Благовещенская резня и конфликт на Даманском? В действительности мирный и даже дружественный характер колонизация носила только в отношении тех народов, которые признавали вассальную зависимость от России. На самом деле у российского общества сохраняются серьезные проблемы с переходом от властно-подданнических отношений к равноправно-партнерским. Среди них – и державный национализм, и комплекс неполноценности в связи с неудачами интеграции в мировую экономику, и радикализм в восприятии Другого, который в российской культуре – либо «друг», либо «враг навеки».

Поэтому способность россиян к долговременному сотрудничеству есть, но она не так велика, как представляется Р.Х. Симоняну. Ее можно измерить, например, обратив внимание на объемы торговли и деловую активность в международной сфере. Если отнестись

к вопросу объективно, то выяснится, что исторический опыт взаимовыгодного партнерства у Востока и Запада не меньше, чем у России, на это указывает история Гонконга, Сингапура и других мировых финансовых центров в Азии.

Кто исполнитель? Осуществление подобных мега-проектов в России традиционно связывается с государством. К широкомасштабным государственным проектам, в том числе использующим советский опыт, с начала 2000-х гг. склонился и общий тренд в динамике обсуждаемой проблемы. Львиная доля рекомендаций имела значение исключительно в рамках командно-административной экономики и государственно-дистрибутивной парадигмы развития общества, а некоторые и вовсе отправляли страну в прошлое «всероссийских молодежных строек» [Селиванов, 2008: 26].

Гипертрофированное присутствие государства в российской экономике, пишет социолог, привело к тому, что «исчезли стимулы к развитию (сокращению издержек, рационализации производства), у бизнеса и чиновников преобладает ориентация исключительно на освоение казенных денег» [Гудков, 2022: 44]. Экономисты заявляют о «слабости рыночной среды, вызванной доминированием государственных и квазигосударственных компаний, имеющих искаженную мотивацию по сравнению с обычной рыночной логикой и “неформальные” отношения с государством» [Кудрин, Гуревич, 2014: 33]. А вот исторический нарратив, раскрывающий истинный смысл предложенного проекта. Как считает В. Иноземцев, с распадом СССР не исчезли ни стремление к неэффективной трате средств на иллюзорные цели, ни склонность к гигантомании, что, по его мнению, доказывает не коммунистическую, а сугубо российскую их природу. Как только в стране стабилизировалась экономическая ситуация, власть тут же обратилась к привычным «игрушкам»: выросли военные расходы, началось освоение «северов», было объявлено о реконструкции БАМа и Транссиба. О том, что такой же «игрушкой» станет предлагаемый проект, говорят масштабные инвестиции в Северный морской путь: они осуществлялись одновременно с сокращением перевозок по нему – с 1,26 млн т в 2012 г. до 39,6 тыс. т в 2015 г. [Иноземцев, 2018: 138]. Нельзя не упомянуть и проблему коррупции.

Ни политическая, ни экономическая ситуация в современной России не обусловлены чуждыми обществу случайными обстоятельствами. Различные режимы со всеми их качествами есть результат договоренности ведущих социальных сил. Решение проблемы невозможно без формирования на российской территории полноценного индустриального общества. Государственническая модель имела в прошлом некоторые успехи, но она не создала механизма саморазвития и создать не может. Как и предлагаемый проект: он направлен не на развитие, а на приспособление имеющегося состояния к внешне обусловленной ситуации и призван решить проблему, ничего не меняя в обществе – его структуре, менталитете, культуре, поскольку ни структуры, ни психические установки, ни образцы не подвергаются исследованию и критике в связи с указанной проблемой.

В вопросе об исполнителях проекта следует говорить и о труде. Кто будет осуществлять проект с этой стороны? Материальное производство – генеральный фактор социального развития не в смысле его конечного результата, а в смысле самого процесса. Созидательный труд порождает ряд благотворно действующих на общество (как акторов, так и структуру) обстоятельств – инициативу, творчество, дисциплину, ответственность, солидарность². Но, с учетом состояния рынка труда, есть опасения, что данная возможность развития собственно российского общества будет упущена. Чужими будут и технологии, на что указывает ситуация в отечественной промышленности, и «успехи» импортозамещения.

Таким образом, задуманный как производительный, проект в его трудовой, технологической и организационной составляющих будет реализован не российским «субъектом социального действия». Общество не станет лучше ни в процессе его осуществления, ни в результате.

² Поэтому Советский Союз, в котором, несмотря на ряд системных пороков, был более выражен производительный труд, выигрывает в данном аспекте у России последних десятилетий.

Суть проблемы. Проблема перманентного отставания России от ведущих стран носит системный и фундаментальный характер, в данных условиях возможны лишь несколько ее теоретических «срезов».

Самый общий – цивилизационный – укажет на неспособность страны интегрироваться в глобальный мир, что чревато ее исчезновением как целостности – в совокупности исторически неизменных свойств. Политический срез выявит циклически действующий механизм авторитарного отката после каждой неудачной попытки создания современной системы отбора элиты и контроля над ней. Как наиболее болезненный по своим долгосрочным эффектам, этот провал приводит в действие целый ряд механизмов: закупорку лифтов, отрицательный отбор, деградацию элиты, а значит, ее вопиющую профессиональную, интеллектуальную и моральную некомпетентность. Социальный срез обнаружит провал попыток создания устойчивых, передаваемых из поколения в поколение как норму, договорных отношений вместо доминирующих в российской истории властных. Срез культурный обнажит неприятие российским обществом или значительной его частью ценностей свободы и достоинства личности, что в современных условиях означает затруднение производства образцов в области науки и искусства. Срез экономический укажет на неспособность создать современную экономику, конкурирующую с другими на мировом рынке.

Это – наиболее общий, без фокусировки на подробностях, взгляд. Однако в данной системной проблеме есть обстоятельство, практически непреодолимое в силу его предельной объективности (соотношение объективного/субъективного в социологии правильнее рассматривать вообще не как бинарную оппозицию, а как шкалу). Это – наличие почти неограниченных природных ресурсов, находящихся в распоряжении относительно небольшого по численности населения. Речь идет о выходящем за пределы экономики и действующем на историческую динамику общества механизме «ресурсного проклятия», многократно отраженном в литературе (в трудах А.С. Ахиезера, А.П. Давыдова, И.Г. Яковенко, С. Кордонского, А. Эткнда и др.). При этом исторически он и порожденная им *экстенсивная стратегия* не ограничиваются сырьевой зависимостью нынешней России или позднего СССР. Подобно другим «цивилизационным» качествам, они сопровождают российский социум в течение всей его истории. Уже первое русское государство, возникшее в IX–X вв. на торговом пути «из варяг в греки», представляло собой военно-политический контроль над транзитом (!) и вывозом ресурсов. Ресурс исторически менялся, менялись способы его «извлечения», были попытки преодоления этой зависимости, но принципы функционирования системы оставались прежними – после очередных потрясений государство вновь монополизировало главный источник дохода и на его основе выстраивало вертикали господства и подчинения³.

Важен вопрос: почему относительный экономический прогресс не приводил к преодолению данного свойства, а случавшиеся в отечественной истории крупные достижения – петровские преобразования, промышленная революция, советская индустриализация и технологические прорывы СССР – не завершились формированием иной системы общественных отношений?

В основе модернизации лежит противоположная стратегия – *интенсификация*. Однако необратимый переход к ней невозможен, пока есть доступные ресурсы, и тенденция к сохранению экстенсивной стратегии усиливается даже при наличии технического прогресса. Отечественная история показывает, что каждое новое совершенствование средств и процесса труда увеличивало совокупный продукт и тем меньше мотивировало интенсификацию в ее *социально-экономической* составляющей. Проблема роста решалась за счет приращение новых территорий в большей мере, чем за счет внутренней трансформации. Расширение ареала до начала XIX в. – «собираение» русских земель, проникновение на Урал, в «дикое поле» и Сибирь, выход на Балтику и Черное море – делало возможным сохранение

³ Сказанное вписывается в объяснения российского социума при помощи понятий «раздаточная экономика» (О.Э. Бессонова), «институциональная матрица» (С.Г. Кирдина), «Русская система» (Ю.С. Пивоваров) и др.

существующего типа производства и соответствующего социального уклада без изменений. Все достижения и инновации ставились на службу утвердившемуся типу хозяйствования, а реформы – власти или конкретным лицам «при ней». Нередко их ценой становились стагнация и утрата достигнутого посредством частной инициативы (как во времена Петра I и Сталина). В индустриальный период – с середины XIX в. – железные дороги и пароходы, банки, европейское образование и наука тоже не изменили принципы функционирования системы необратимо, поскольку она продолжала существовать за счет экстенсивной эксплуатации огромных территорий. «Прирастая» Сибирью, Кавказом и Средней Азией, Россия приращивала экстенсивную стратегию даже при условии их промышленной разработки.

Не меняет ничего и постиндустриальный период, в который Россия вошла за счет продажи ресурсов и покупки *ht*-продукции. Нынешняя рентно-сырьевая экономика с государственными вертикалями – не «отдельный недостаток» российского общества, а его базовая структурная характеристика. Не преодолет это состояние, а значит, реверсивное движение страны, и данный проект. Без интенсификации социальной системы «снизу» он не решит проблемы создания механизма саморазвития. Его осуществление только усилит «экстенсивную доминанту» (по И.Г. Яковенко), поскольку станет дополнительным ресурсом системы, заблокирует рост в других областях и в историческом масштабе будет способствовать не развитию, а стагнации.

Как разорвать круг? Ученый, разрабатывающий проекты развития, должен сказать, что он под ним понимает – заимствованные технологии и осуществленные на их основе гигантские проекты или системные трансформации, необратимо ведущие к появлению новых качеств общества? В этой связи выражение «поиск пути развития» отражает смысл происходящего далеко не всегда. Часто за ним стоит стремление не к развитию, а как раз наоборот.

Однако мир характеризуется именно развитием, причем последние полвека – стремительным. Европа и Китай, которые предлагается соединить транспортной артерией, идут в будущее мировой экономики, хотя и разными политическими путями. Темпы их настолько велики, что становится реальной перспектива исчезновения между ними в экономическом плане чего бы то ни было вообще. Восток и Запад могут попробовать обойтись (к этому есть тенденция) без посредника – транспортного или какого-либо другого, если этот посредник малоэффективен и непредсказуем. Чтобы стать другим, самому обществу необходимо измениться. Круг замыкается, и один из главных вопросов исторической социологии состоит в том, что способно его разорвать. Что является системообразующим в развитии общества – технический прогресс или структурные трансформации? Причем именно в развитии как качественном и необратимом изменении системы. И любая рекомендация от социолога должна эту проблематику учитывать. В противном случае она рискует стать оторванным от реальности благим пожеланием.

Никакое географическое положение само по себе без качественной и глубокой трансформации общества не решает проблему его «выживания» в современном мире. Это верно даже в том случае, если к выгодному положению приложить масштабные строительные проекты. Примером является Советский Союз, у которого было немало впечатляющих достижений. Но сформировать систему отношений, способную к ненасильственному воспроизводству и развитию, ему не удалось. Как и предыдущим попыткам реформ, которые либо свертывались, либо становились «верхушечными» охранительными, не меняющими структуру общества, базовые ценности и смыслы, картину мира, менталитет. Поэтому перед нами – очередной проект «догоняющего не-развития», который, если и даст некоторые экономические преференции, проблему перманентного отставания России не решит. Это очередная попытка обмануть историю – глобальной тенденции экономической интенсификации противопоставить еще одну экстенсивную модель роста.

Наша рекомендация проста и сложна одновременно. Это – рыночная экономика при обязательном выполнении стабильных «правил игры» всеми ее участниками: верховенство права и свобода слова, прозрачность законов и открытость транзакций, реальное разделение властей, сменяемость и подконтрольность власти обществу.

Здесь можно возразить: разве мы не пытались? Да, либерализация российского общества проводилась неоднократно, но каждый раз срывалась, не успевая исторически доказать свою эффективность. Вступали в действие многочисленные субъективные и объективные факторы, связанные с культурой и ментальными установками широких слоев населения, политическими устремлениями правящих режимов и узкогрупповыми интересами элит. И каждый раз эти попытки не удавались именно в связи с нежеланием и неспособностью социума жертвовать прошлым и имеющимся ради никем не гарантированного будущего и возможного. Имеющееся же обеспечивала экстенсивная модель. Отсюда главное непреодолимое препятствие – неограниченные ресурсы, включая огромные географические пространства, не требующие никакого внутреннего развития. А значит то, что автор проекта считает потенциалом, на деле оказывается препятствием.

Разумеется, в истории есть примеры успешной реализации географического положения (финикийские города, города-республики Северной Италии, Новгород и Псков). Но пристальный взгляд обнаружит, что перспективными, т.е. шагнувшими в будущее очагами современного индустриального общества стали не они, а другие – менее удобные для транзитной торговли территории, не обладавшие в данном аспекте никакими видимыми преимуществами. Судьба же вышеназванных районов (их уход с исторической арены, несмотря на яркий вклад в мировую культуру) указывает на зыбкость выгодного географического положения как основы развития. И заставляет обратить внимание не на природу, а на приложенную к ней деятельность человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: коллективная монография / Под общ. ред. Я.А. Фроловой. Владивосток: Дальнаука, 2010.
- Гудков Л.Д. Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. Т. 1. М.: НЛО, 2022.
- Иноземцев В. Мир без России // Институт современной России. 16 марта 2022. URL: <https://imrussia.org/ru/аналитика/3437-мир-без-россии> (дата обращения: 25.06.2022).
- Иноземцев В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- Кудрин А.Л., Гуревич Е.Р. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
- Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья / Отв. ред. А.К. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 2012.
- Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск: СО РАН, 2010.
- Розов Н.С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Трансграничие в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия. Чита, 2006а. С. 109–113.
- Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Политические исследования. 2006б. № 3. С. 8–28.
- Селиванов А.И. Противостояние цивилизаций и строительство будущего России // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 21–26.
- Симонян Р.Х. Пространственный потенциал России в контексте экономической интеграции Европы и Азии (подходы с позиции социологии пространства) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 84–94.

Статья поступила: 26.06.22. Финальная версия: 06.07.22. Принята к публикации: 08.07.22.

SPATIAL POTENTIAL OF RUSSIA – ANOTHER REASON NOT TO CHANGE ANYTHING?

TRUBITSYN D.V.

Transbaikal State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Transbaikal State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. The article critically analyzes the project of development of Russia that includes using its geographical position between the two fast-developing economies of European Union and China. Revealing its weak spots, the paper states that the emphasis on similar projects as well as the continuous search for new development possibilities rather demonstrate absence of development and another failure of modernization. Working out projects of social development demands a set of conditions. Firstly, development has to be seen as a deep qualitative transformation, not as superficial changes and technological innovations. Secondly, we have to rely on the actual state of society, basing on competent and unbiased sociological studies. Finally, geography has to be theoretically integrated with sociology, given that human activity is responsible for development, not territory. All this is absent in the project under analysis. The author states that the actual state of the modern Russian society prevents it from fulfilling this project.

Keywords: social development, modernization, geographical position, social structures.

REFERENCES

- Baklanov P.Y., Tulokhonov A.K., ed. (2010) Borderline and trans-border territories of Asian Russia and neighbouring countries. Novosibirsk: SO RAN. (In Russ.)
- Frolova Y.A., ed. (2010) Geopolitical potential of trans-border partnership of Asia-Pacific countries: Collective monograph. Vladivostok: Dalnauka. (In Russ.)
- Gudkov L. (2022) *Recurrent totalitarianism*. Vol. 1. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Inozemtsev V.L. (2018) *The Non-Modern Country. Russia in the 21st century world*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Inozemtsev V. (2022) World without Russia. *Institute of Modern Russia*. 17 March 2022. URL: <https://imrussia.org/en/analysis/3439-world-without-russia> (accessed 25.06.2022). (In Russ.)
- Kudrin A.L., Gurevich E.R. (2014) A New Growth Model for the Russian Economy. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 12: 4–36. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2006). Cyclicity of Russian Political History as a Disease: is Recovery Possible? *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3: 8–28. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2006) The phenomenon of transboundeness in historical and geopolitical perspective. *Transgranich'e v izmenyayushchemsya mire: Rossiya – Kitaj – Mongoliya* [Transboundeness in the changing world: Russia – China – Mongolia]. Chita: 109–113. (In Russ.)
- Selivanov A.I. (2008) Opposing civilizations and construction of Russia's future. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 21–26. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2022) Spatial potential of Russia in the context of economic integration of Europe and Asia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 84–94. (In Russ.)
- Tulokhonov A.K., ed. (2012) *Positioning of Baikal region territories in the context of transboundeness*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Received: 27.06.22. Final version: 06.07.22. Accepted: 08.07.22.